



люди искусства

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ

В глубине арбатского двора с тополем, клубившимся по весне зеленью, а по июню белым туманом, жила пожилая милая женщина-машинистка, к которой ходили, поднимаясь на второй этаж по скрипучей лестнице мимо набитой разным народом кухни, с вечными запахами газа и мокрого белья...

Именно от нее я впервые услышала о фильме «Дом, в котором я живу».

— Там должна быть девушка отменная, — говорила она раздумчиво, как будто бы ее большие руки не летали споро и стремительно над клавишами высокой черной машинки, — такая, чтобы полюбить навсегда и забыть невозможно.

...В назначенный час на площадь перед ВДНХ, неподалеку от Студии имени М. Горького, пришли тысячи девушек. Легенда утверждает, что Жанна шла куда-то мимо с подругами, но, узнав, в чем дело, девушки остановились.

Доктор Спок написал, что, если ваша дочь никогда не мечтала быть врачом или актрисой, вы должны задуматься о ее душе и здоровье.

Итак, девочки остановились. Невысокую сероглазую школьницу сразу же выхватил из толпы опытный взгляд второго режиссера К. Альперовой, кстати, открывшей многих, и Жанну Болотову пригласили на студию. Там было гораздо меньше девочек, но все равно достаточно, чтобы тебя не заметили. К тому же здесь были и мальчики... За столом комнаты, где происходил «экзамен», сидели оба режиссера: Л. Кулиджанов и Я. Сегель; Жанна не знала «кто есть кто», ей показались больше похожим на режиссера оператор картины В. Шумский, и, глядя именно на него, обращаясь к нему, она и сказала, волнуясь:

— Погиб поэт! — невольник чести...

Где ей было знать, что до нее почти все девочки читали это же стихотворение, а мальчики в свой черед — «Стихи о советском паспорте».

— Но она прочла не так, — это уже Яков Сегель вспоминает, — девочки до нее читали другое! Это было совершенно новое стихотворение! Мы такого не слышали...

И пятнадцатилетняя московская школьница была утверждена на роль девушки, которая хотела стать актрисой, но началась война, и, уйдя на фронт, она домой не вернулась. С какой пронзительной чистотой, с каким трепетом, неловко и угловато, но с подлинным движением еще неопытного сердца читала Галя Волынская, так звали юную героиню Болотовой, монолог Катерины из «Грозы». А как точно была выве-

рена роль в структуре самого фильма, как она сыграла, если навсегда врезался в память план тоже юного тогда артиста театра «Современник» Владимира Земляникина, стоящего в лестничном проеме, когда он узнавал, что Гали нет в живых.

Показанный не так давно на телеэкранах, этот фильм опять обжег сердце...

Обо всем этом я думала, когда поднималась на лифте, нажимала кнопку звонка, и когда за дверью раздались легкие шаги, и сперва в полутьме передней, а потом уже в большой комнате с огромным окном, за которым сумеречно светилась река — на улице шел дождь, я вглядывалась в это лицо, лукавое, с серьезными глазами.

Помню, много лет назад она ходила по ВГИКу, появившаяся голубой ленточкой, может быть, лента была не голубая, но помнится голубая, и так же загадочно и холодноблестящие серые глаза, и такое же пленительное изящество сопутствовало ей в движениях. Она казалась мне поразительно совпадающей с обликом Даши из трилогии А. Н. Толстого, но тот старый фильм уже был снят или снимался, у другого никто не загадывал, у самой Жанны Болотовой были свои мечты, заботы, роли. Но вот сейчас, увидев у нее дома фотографию, где она сидит перед зеркалом, отражаясь в его толстом матовом стекле и не глядясь в него, и так прелестна несколько надменная, девичья настороженность взгляда в соединении с нежностью и задумчивостью, — я опять невольно вернулась к своему давнему впечатлению. Я с сожалением подумала, что такую актрису почему-то никогда не снимали в ролях классического репертуара...

Но вообще так сплелись жизнь и судьба, что именно женщины, в которых была нравственная чистота и романтизм женского облика, стали ее героинями — от резкой юной Тани из фильма «Люди и звери» учителей Жанны Болотовой, народных артистов СССР Т. Макаровой и С. Герасимова до сказочной «неземной» Оранте с поистине земной мудростью и печалью в глазах из фильма «Молчание доктора Ивенса» сценариста и режиссера Б. Метальникова, от простенькой гувернантки в поставленном М. Швейцером альманахе «Карусель» по А. П. Чехову до Пэгги Бэтл, мечте и единственной любви мистера Мак-Кинли, в фильме того же режиссера «Бегство мистера Мак-Кинли», и дальше роли, которые были написаны для нее и которые она играла в фильмах Николая Губенко.

Безусловно, дарование самой актрисы шире этих рамок. Я сама очень люб-

лю Жанну Болотову в фильме «Крылья», который снимала Лариса Шепитько по сценарию В. Ежова и Н. Рызанцевой. Женщина, которую она играла, принадлежала именно тому времени, которое было за окном, и не хотела думать ни о каком другом. В белом «батничке» она стояла над креслом, в котором сидела ее мать Надежда Петрухина — Майя Булгакова, в свой черед ничего не понимающая в жизни дочери, усталая, замкнутая... И они обе правы и неправы в своем отчуждении и обиде.

Или совсем другая роль, почти эпизод в герасимовском «Журналисте». Каким хищным зверьком, до времени спрятавшимся, но в любой момент готовым показать коготки была там актриса! Жеманная и жесткая пластика этого существа с вязаньем в руках так точно и страшно выражала пустоту и черствость «потребителя», что этот образ, при всей непохожести, перекликался с другим персонажем этого же фильма — провинциальной старухой, сутягой и склочницей.

...Как-то я сказала одному своему знакомому о прекрасной работе Жанны Болотовой в фильме Михаила Швейцера «Бегство мистера Мак-Кинли», и он радостно и согласно воскликнул:

— Да! Конечно! — И тут же добавил с удивлением: — Но ведь она там ничего не делает!

— Моя мечта так играть, как играла в кино моя любимая актриса Валентина Телегина, — говорит Жанна Болотова.

Валентины Телегиной уже нет на свете, и поэтому особенно понятно волнение, с которым рассказывает о ней Жанна Болотова.

— Я очень ее люблю. У нас с ней были особые отношения. Позади была работа в фильме «Дом, в котором я живу», в общем, счастливая, и отношения наши шли оттуда, еще с той картины. Почти сразу после выхода нашего фильма в одной газете появилась рецензия... С газетой в руке Сегель кинулся к Телегиной обрадовать ее. Она же плача протянула ему газету. «Обо мне ни слова», — сказала она.

Это было правдой. Сегель сразу же, немедленно стал искать человека, написавшего рецензию, нашел его и грозно спросил, как получилось, что нет ни слова о Телегиной. Тот сперва сам удивился, а потом произнес с печалью: «Она незаметна... как воздух».

В этом творческом кредо и самой Жанны Болотовой: быть естественной и точной, подчинить себя общему замыслу, стать необходимой фильму, поистине как воздух для дыхания. А добиться этого ох как не просто...

— Я знаю свои недостатки, — говорит актриса и добавляет серьезно: — В работе я — чудовище!

Но мне самой кажется, что только такие актрисы интересны — те, с которыми сперва трудно. Которые изнутри для всех ищут грим и которые всегда недовольны костюмом. Которые не нравятся себе в материале. Которые чутки к неточностям слова. И которым не все равно, в каком настроении партнер и кто он... Чего греха таить, на фоне нередкого странного равнодушия они не дают расслабиться ни группе, ни партнерам. Но зато как прекрасно с ними, когда они нашли, поняли, почувствовали, поверили, тогда нет вернее и надежнее их.

— А вы когда-нибудь хотели работать в театре? — спросила я Жанну и получила сразу же абсолютно определенный ответ:

— Нет. Никогда.

А ведь она любит и знает театр, недаром, говоря о миссии работающего в искусстве человека, она вспоминает доктора Штокмана К. С. Станиславского, который был не только гениальным исполнителем этой роли, но выступал в ней как «духовный пастырь» своего поколения. Я думаю, что возвращение в Театр на Таганку ее мужа Николая Губенко прошло не без участия Жанны, так крепко спаяны их судьбы.

И все-таки Жанна говорит: «Нет!» В этом — гордое сознание своей профессии — киноактриса, и четкое ощущение границ профессии, на которое способен только мастер, и рыцарская преданность киноискусству — своей первой, главной любви.

● Заслуженная артистка РСФСР Ж. Болотова.